

— Вы, дядя Сеня, на полном серьёзе хотите сказать, что мы сейчас через реку с ледяной водой вплавь поплывём?

— Нет, на самолёте полетим! Вплавь же, конечно! А если забоялся студёной воды, то так и скажи! Оставлю тебя на берегу, и вообще обратно на центральную усадьбу отправлю!

Я тотчас представил, с каким печальным видом, можно сказать, опозорившимся вконец, предстану перед строгим отцовским взглядом, нет, не осуждающим, а жалеющим. А это более нетерпимо! И, смело посмотрев в глаза дяди Сени, без сомнений, твёрдо сказал:

— Плыть, так плыть! Чего ждём?

— Ну, вот и хорошо! Сделаем так: разденемся догола, одежду свяжем в узел и прикрепим к седлам, чтоб не замочила, а на том берегу быстро оденемся — глядишь, и не простудимся! Понял, Ваня?!

— Конечно, понял!

— Тогда действуй!

Я на всякий случай, чем чёрт не шутит, быстро огляделся — нет ли кого из женского пола рядом, — раздевшись, одежду привязал к седлу и, ведя в поводу лошадь, стал медленно входить в ледяную воду. Ещё не погрузился до пояса, как остро почувствовал холод, буквально сковывавший движения рук и ног. Мурашки, выступив крупной сыпью, пробежали по всему телу. Дыханье перехватило. Но вот я поплыл, держась крепко обоими руками за луку седла. Лошадь оказалась мощной, задрал голову так, чтобы вода не попадала в ноздри, тем не менее, часто громко фыркала и всё гребла, гребла длинными ногами. Пять минут, проведённых в ледяной речке, показали мне вечность! Боялся ли я? Нет! Только страшно хотелось, чтоб скорей кончилась ледяная пытка. Поэтому на берег не выбрел, а выбежал, по-лягушачьи высоко поднимая коленки. За минуту, не больше, оделся! Но озноб не проходил, зубы, словно швейная машинка, часто-часто стучали. И, думая только, как бы скорей согреться, я, подгоняя лошадь, вновь побежал, что было сил, рядом с ней. Вдруг сзади услышал:

— Ваня, подожди!

Оглянувшись, увидел подъезжавшего ко мне верхом на лошади дядю Семёна, возвышавшегося в седле горой. Спешившись, он из диоралевой фляжки, притороченной к седлу, быстро налил полстакана какой-то жидкости и протянул мне:

— Пей не раздумывая! Сразу согреешься!

— А что в стакане?

— Как что?! Водка!

— Не-не, дядя Сеня! — дрожащим голосом протянул я.

— Я тебе, Ваня, покажу такое не-не, что долго помнить будешь! Сказал пей, значит пей! Или воспаление лёгких подхватить хочешь?!

— Да ни в коем случае!

— И я о том же! Вот и пей!

Водочный запах всегда у меня вызывал отвращение, и, чтобы не вырвало, я залпом осушил стакан. Тотчас задохнулся! От напряжения, вызванного попыткой восстановить дыхание, слёзы выступили на глазах. Но буквально через несколько минут почувствовал, как медленной волной томящее тепло стало разливаться по нутру, ласкать душу. Мурашки прошли, зубы перестали стучать. И всё же я строго подумал, как приказал себе: «Чтоб выпитая первая водка, была и последней! Надо брать пример с отца, который даже на фронте ни грамма не пил и, может, поэтому смог остаться живым, хотя и был в таких огневых переделках, что однажды даже военное начальство ошибочно посчитало его убитым...».

Несмотря на затянувшуюся вынужденную переправу через Боровинку, мы с дядей Сеней в аккурат к вечерней дойке загнали всё дойное стадо в загон. И я, лишь перекусив, чем Бог послал, поспешил вернуться.

И вот наша новая встреча. Мой добрый, можно сказать, старший товарищ, тоже издали заметил меня и приветливо помахал рукой. Я подошёл к нему, и мы крепко, по-мужски, за руки поздоровались.

— А ты, Ваня, в этом году, вижу никак решил пастихот частных коров наняться? — с удивлением спросил дядя Сеня.

— С чего это вы взяли?

— Стадо же ты пригнал к разбору!

— Я! Но сделал это вынужденно!

И рассказал всё о случившемся за день приключения. Даже не скрыл, что пришлось по бычьим рёбрам хорошенько палкой пройтись. Услышав мою историю, дядя Сеня аж нехорошо выругался, досадно сплюнул и наконец нормальным языком обругал меня:

— Вот дурень! Надо же было решиться бить быка, который этой зимой в стойле моего друга-скотника насмерть рогами заporол! Да ведь он, почуяв человеческую кровь, можно сказать, людоедом стал! Я во избежание новых жертв даже к самому главному зоотехнику ходил с просьбой забить убийцу на мясо — да без толку. Ему, понимаешь, важнее всего, что, этот бычара все планы по осеменению перевыполняет. Тьфу — и только!

Потом дядя Семён вдруг замолчал, его лицо сразу сделалось печально суровым, словно он вспоминал своего погибшего товарища. Но так же неожиданно, как прервал речь, вдруг снова заговорил:

— Ты, Ваня, точно в рубашке родился! Но знай, что если повезло раз, то в другой фортуна запросто может изменить!

— Согласен! Но а вы-то сами, дядя Сеня, как с быком управляетесь?

— Не управляюсь, а скорей всего, подстраиваюсь под него! Если ещё точнее сказать, то просто до поры усыплю его внимание! Ведь чтобы это строптивое животное почувствовало власть над собой, надо в кольцо, врезанное ветеринаром в нос, уловчиться и продеть цепь, да потянуть её посильней. Вот я, одной рукой отвлекая бычье внимание, скармливаю свирепому животному ржаной ломоть за ломтём, а другой и подчиняю его себе. Но, признаюсь, после трагического случая с другом, каждый раз подходя к быку, чувствую, как под ложечкой сосёт и начинают дрожать ноги. Но это я так сказал, для твоей убедительности быть осторожным!

— Буду, обязательно буду! А сейчас, дядя Сеня, мне идти надо! Рабочие, которые старую изгородь не ко времени разобрали, сегодня жерди к вечеру из лесу так и не привезли. Значит и завтра, а может быть, даже и послезавтра надо будет продолжать сторожить капустные посадки. А для этого силы нужны немалые. Надеюсь, за ночь отдохну и снова как новенький буду душой и телом. Пока, дядя Сеня!

— Всего хорошего тебе, Ваня!

Тем временем ставшее малиновым солнце окончательно закатилось за лесистые сопки, круто уходящие ввысь сразу за Леной. Гаснущее небо как бы опустилось ниже, и вновь появившиеся кудлатые, подсвеченные снизу закатными лучами, невероятной красоты, словно на великой картине Левитана «Озеро», многочисленные облака плыли на высоте воробьиного полёта, медленно прижимая остывающий воздух к земле, делая его ещё душней, чем днём. Если бы не ветер, всё полнее налетавший с реки и пригонявший хоть какую-то свежесть и прохладу, то не перестававший обильно выстывать пот вообще полился бы по лопаткам ручейками, как в жарко натопленной бане. Физически я чувствовал себя совершенно разбитым, шёл, еле-еле переставляя будто свинцом налитые ноги по пыльной улице, считая сколько же ещё домов надо мне миновать, чтобы наконец-то, как подкошенный, рухнуть на свою вдруг ставшую такой желанной железную кровать с панцирной сеткой.

То ли от переутомления, то ли от того, что с утра во рту маковой соломинки не было, есть совершенно не хотелось. А вот душевно — от сознания на совесть выполненного порученного дела — мне было несказанно легко, даже невероятно радостно. И ничего, что, как обычно бывает со мной в таком случае, я весело не пел вполголоса. Зато крепко начинал верить в себя, в свои, такие ещё небольшие, но упорные юные силы. И, мысленно окинув весь растянувшийся на много часов рабочий день, с гордостью светло подумал: «А ведь действительно, и один в поле воин!». Но, посмотрев на Мухтара, довольно бодро бежавшего немного впереди, словно посланного мной разведать дорогу, вслух чуть ли не на всю улицу, громко произнёс: «Нет, не один! — и уверенно подумал: — Так будет всегда!».

«Не предававший доброго Филю...»

Окончание. Начало на стр 1

Как ни хворал, как ни старился Василий Иванович, он не сдавался духом, не забывал своих убеждений, и сейчас я понимаю, что более цельного человека среди своих друзей-писателей я не встретил. И я хорошо помню, что именно за это свойство Вадим Кожин ценил Белова выше многих наших друзей, даже выше Распутина, выше Астафьева, не говоря уже о верном ученике Белова Владимире Личутине или о Солженицыне, с которым у Белова произошла в начале 90-х годов мировоззренческая распря. Об этом свидетельствует письмо Солженицына из Вермонта, полученное мною

когда-то учился. Белов как бывший плотник осмотрел, ощупал сруб школы и остался доволен. Недаром он был автором книги «Плотничьи рассказы».

Вспомнил я музей Фолкнера в каком-то южном штате. Дворец из мрамора и красного дерева, газоны, платаны, конюшни, громадные фигурные окна, паркет блистающий, книжные шкафы, письменные столы, камин, бархат, медь. Спросил я у служителя: а народ-то бывает? Да нет, говорит, разве что туристов привезут — русских либо немцев, либо китайцев... Упрощает Америка свою жизнь. Зачем ей день вчерашний — Фолкнер, Хемингуэй, Томас Вульф. Зато мы живём и спорим с

23 ноября 1993 года, в котором «вермонтский изгнанник» писал: «Прискорбно, что русские патриотические круги вместо праведного отстаивания народных интересов прислонились за поддержкой к лицемерным коммунистам, объявившим себя "народолюбцами" после 70-летнего одурманивания и уничтожения этого самого народа. Так, в частности и Василию Ивановичу Белову (его открытое письмо ко мне 30.9.93) никак бы не уместно величать брежневскую фальшивку "конституцией". Праведный дух устаивает и побуждает только в полной чистоте».

За кем была правда в этом историческом споре — устанавливать историкам. Но несомненно одно: цельность беловской природы не позволяла ему соглашаться с высокопарными поучениями Солженицына, перед которыми склоняли головы ближайшие друзья Белова — Распутин, Крупин, Шафаревич, Бондаренко.

Два года тому назад я был приглашён в Вологду на открытие в квартире Белова городского музея. Были, конечно, и вологодские, и московские писатели. Слава Богу, одним святым местом в России стало больше. Народу в зимний морозный вечер под старым Новым годом собралось несколько сотен, видимо, из соседних деревень приехали... На стенках музея фотографии, автографы, документы из истории деревни, книжки Рубцова. Старики и бабки, довольные праздником, озираются, подойдешь к ним, спросишь чего-нибудь про Коло, хитро посмотрят и говорят что-то вроде того, что «да мы-то его знали настоящего... Какой был! А не какой в книжках!» Своя у них правда...

Когда я стоял в толпе друзей и почитателей Белова в этом дворе, то вспомнил, как уже много лет тому назад мы с ним открывали в селе Никольском музей Николая Михайловича Рубцова в заново отреставрированной в жёлтых смолистых брёвен школе-интернате, где поэт

Достоевским, с Есениным, с Розановым, как будто они не померли Бог знает когда, а живут рядом с нами и покоя нам не дают. Вчитываемся, открытия делаем... Упроститься бы, Господи, но как? Как тут отдохнёшь душой, когда тот же Вася Белов читает стихи Рубцова:

Я запомнил как диво
Тот лесной хуторок,
Задремавший счастливо
Меж звериных дорог.

Там в избе деревянной,
Без претензий и льгот,
Так, без газа, без ванной,
Добрый Филё живёт.

Филё любит скотину,
Ест любую еду,
Филё ходит в долину,
Филё дует в дуду!

Мир такой справедливый,
Даже нечего крыть...
— Филё, что молчаливый?
— А о чём говорить...

Зал захлопал, но Василий Белов угрозил залу пальцем и с тихой горечью сказал: «Нечего хлопать, опять в который раз в истории мы предали доброго Филё...».

Так вот, ежели хотите стать писателями русскими, молодёжь, знайте, что, как и Василий Белов, вы обречены всю жизнь разгадывать загадку русской души, разгадывать тайну жизни своего народа! Хотя бы потому, что, как говорил отец Сергей Булгаков, «народы суть мысли Божий». А попытаться разгадать крупнейшую Божью мысль — русскую — разве это не может стать целью жизни? Так что — дерзайте! Соблазн велик! Родина, если поможете ей понять самого себя, вас не забудет. Белов дерзнул проникнуть в эту тайну и потому стал великим русским писателем.